

ОТЗЫВ НА ВЫПУСКНУЮ КВАЛИФИКАЦИОННУЮ РАБОТУ
АЛИНЫ ГАРИФЖАНОВОЙ
«ПОЭТИКА И МЕТАПОЭТИКА В. В. ВЕЙДЛЕ
(СБОРНИКИ “ЭМБРИОЛОГИЯ ПОЭЗИИ” И “НА ПАМЯТЬ О СЕБЕ”)

Работа Алины Гарифжановой «Поэтика и метапоэтика В. В. Вейдле (Сборники “Эмбриология поэзии” и “На память о себе”)

 представляет собой «машинопись» объемом 87 страниц, т. е. более 120000 печатных знаков. Кроме таких разделов как «Введение», «Заключение», «Список цитируемой и использованной литературы» и «Приложение», в ней — 3 главы: «Метрико-строфический репертуар Вейдле» (с двумя разделами — «Синхронический обзор» и «Диахронический обзор»), «Метапоэтика Вейдле: концепция словесного искусства от “Биологии искусства” до “Эмбриологии поэзии”») и «Метапоэтика и поэтика Вейдле: оксиморон и оноματοпея» (с двумя разделами — «Оксиморон и “язык вымысла”» и «Оноματοпея и “язык слова”»). В первой главе — стиховедческой — 18 таблиц (за таблицей 14 следует таблица 16 — нумерация нарушена); в последнем разделе читателя ждут еще 3 таблицы.

Как и в каждой учебной работе, в рецензируемом сочинении есть как сильные, так и слабые стороны. К сильным относится описание метрико-строфического репертуара Вейдле и материалы, вынесенные в последний раздел — «Приложение». Стиховедческие разыскания предприняты на основе 49 текстов общим объемом в 980 строк; тексты анализируются по единственной книге стихов, напечатанной Вейдле, — «На память о себе» (1979); в обработке данных применяется компьютерная программа “Poetry Statistics 2.5”. (Замечу в скобках, что с этой программой мне работать не доводилось, но надеюсь, что в ней есть функция коррекции автоматического определения размера. Это необходимо: скажем, в стихотворении «Баллада о Венеции» Вейдле делает ошибку в слове «ноябрьский», добавляя звук [e] перед плавным (ср.: «Но теперь, в день всех мертвых, нояб<e>рьский день, / В королевском саду зацветает сирень»¹); автомат определил бы эту строчку как дольниковое вкрапление в анапестический текст, хотя это — строка четырехстопного анапеста с мужским окончанием.) Описание метрики Вейдле проведено очень тщательно; выводы сформулированы четко (ср.: «Важная особенность метрического репертуара Вейдле заключается в высокой доле неклассических размеров (42,8%)»; «Экспериментаторство Вейдле сказывается также в преобладании тонических вольных размеров. Такие размеры оказываются максимально свободными: в них колеблется не только междуиктовый интервал, но и количество иктов в строке. Вольный дольник и вольный тактовик — не самые распространенные разновидности этих метров, но поэт использует их довольно активно (вместе они составляют 16,9% от произведений и 24,6% от всех стихов)»). (Замечу в скобках же, что вольный тактовик, с которым, начиная с 1921 г., экспериментирует Вейдле, должен был звучать для современников — а вследствие специфического лексического наполнения звучит и для нас — вызывая наивно; ср. фрагмент стихотворения «Псалом»: «Вот я один в моей скверне и в одежде моего греха, / В этом городе, у грязного канала и в тусклом

¹ Вейдле В. На память о себе: Стихотворения. 1918—1925 и 1965—1979. Париж, 1979. С. 14.

свете фонаря. / (О<, > сырость до самых костей и запах гнили и воды! / Точно дверь предо мной раскрыта и внизу этот вязкий плеск»². Алина Гарифжанова, впрочем, не дает оценки тем текстам, метрику и строфику которых она описывает, и это ей делает честь.).

Установкой на безоценочность отмечена и следующая глава, посвященная пересказу нестихового текста — книге публицистических статей «Эмбриология поэзии» (1980). Пересказ этот необходим для того чтобы обратиться к анализу стихотворений Вейдле с помощью средств, которые сам же Вейдле и разработал. Этот подход, как видится, может быть воплощен в жизнь, но только с многочисленными оговорками. В частности, все-таки следовало бы подчеркнуть то, о чем говорится *en passant* на с. 57: «Владимир Вейдле предложил оригинальную теорию фоносемантики поэтической речи, которая выходит за границы научного описания и общим своим духом соотносится с поисками поэтов Серебряного века». Не соглашаясь с тем, что метафорику Вейдле можно назвать оригинальной (представление о тексте как о живом организме характерно для многих течений доструктуралистской мысли — как научной, так и критической), я солидарен с Алиной Гарифжановой в том, что теория Вейдле «выходит за границы научного описания». В одно из главных положений этой теории (звукам как таковым свойственен имманентный семантический потенциал, раскрывающийся в поэтической речи) можно верить, а можно не верить, но его нельзя верифицировать. Вейдле, впрочем, удастся убедить Алину Гарифжанову в том, что «смысловая потенция звука “м” своей артикуляцией подходит для выражения сильных чувств, оно может служить изображению произносимых при сжатых губах звуков». Она пишет, что «эту “смысловую потенцию” Вейдле реализует в одном из своих стихотворений» — «Похороны Блока» и приводит цитату, в которой наблюдается учащенное употребление согласного *м*:

Мы здесь, мы отведали яства, мы испили сладкого вина,
Мы вкусили смерти и смрада и земли и мерзости до дна³.

В приведенном фрагменте действительно говорится о сильных чувствах. Но приведу пример из хрестоматийного текста русской литературы, в котором звук *м* частотен, сильные чувства выражены, а вот «смысловая потенция» этого звука оказывается крайне туманной:

Meel ammu sinusse ju armus,
su külge köidab, Peetri teos,
mind sinu sirgus, sinu karmus,
su kallaste graniitne seos...⁴

Это — цитата из «Медного всадника» в переводе на эстонский язык, выполненном Бетти Альвер. И вот те же строки в исходном — пушкинском — тексте:

² Вейдле В. На память о себе. С. 54.

³ Вейдле В. На память о себе. С. 53.

⁴ *Puškin, A. Valik luulet: Lüürika — eepika — draama / Tõlkinud A. Oras, B. Alver, H. Talvik, P. Viiding. Tartu, 1936. Lk. 218.*

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит...⁵

Развивая Вейдле, выходит, что Альвер раскрыла в тексте семантический потенциал, не раскрытый ее предшественником: у Пушкина звука *м* нет, а у Альвер — есть. Впрочем, сказанное можно считать всего лишь полемическим заострением: и Вейдле совсем не так прост, и работа с его концепцией в рецензируемом сочинении далеко не столь прямолинейна. И все же вторая глава и третья не видятся мне удачными: не потому ли, что после столь обстоятельного описания метрико-строфического репертуара Вейдле я ожидал анализа текстов как таковых — и методами тех ученых, которых Вейдле хулил: Р. О. Якобсона, Ю. М. Лотмана и К. Ф. Тарановского? (Замечу, что в «Списке цитируемой и использованной литературы» ни Лотмана, ни Тарановского, ни Якобсона нет.)

Перечислю и те ошибки, которые говорят не столько о том, как написана работа, сколько о том, как я ее прочитал. На с. 3 отмечается, что «последние годы в России Вейдле преподает историю западного средневекового искусства в Университете»; следует добавить: «и в Зубовском институте». На с. 4 утверждается, что Вейдле «активно сотрудничает в американских журналах (“Новый журнал”, “Новое русское слово”, “Мосты”, “Опыты”); “Новое русское слово” — это газета, “Мосты” же печатались в Мюнхене. На с. 5. неверно указываются инициалы Юрия Павловича Иваска: «И. А. Иваск»; должно быть — «Ю. П. Иваск». В таблицах на с. 11, 19, 21, 22, 24, 25, 26, 29 и 30 эмпирический материал представляется с округлением до сотых (что, впрочем, само по себе не ошибочно, но затрудняет чтение: мне хватило бы и округления до десятых). На с. 30 оставлено (в скобках) слово «примеры»; примеров же нет. На с. 55 имя Владимира Соломоновича Баевского дано так, как будто оно внесено в платежную ведомость: «Баевский В. С.»; должно быть — «В. С. Баевский». На с. 68 имя Самсона Наумовича Бройтмана дано так: «Н. С. Бройтман»; должно быть — С. Н. Бройтман. На с. 78 третий том «Избранных трудов» М. Л. Гаспарова представлен так: «Т. III: О стихе»; должно быть — «Т. III: О стихе». На с. 80 выходные данные работы П. А. Руднева «Метрический репертуар А. Блока» включают в себя сокращение «Выл.»; должно быть — «Вып.». На с. 82 Татьяна Сергеевна Царькова оказывается современником Толстого и Достоевского, но ее работа «Метрический репертуар Н. А. Заболоцкого» вышла не в 1878 г., а в 1978 г.

Завершая свой отзыв, отмечу и один источник, с которым было бы бесполезно познакомиться, обращаясь к творчеству Вейдле. Это «Серебряный век как умысел и вымысел» (2000) Омри Ронена. В третьей главе этой книги мы найдем чрезвычайно точную — и холодную — характеристику. Прочитав целиком:

Литературный критик и второстепенный стихотворец, в статье «О любви к стихам» трогательно сетовавший на «слишком резкое первое слово» в стихе

⁵ Пушкин А. С. Медный всадник / Изд. подготовил Н. В. Измайлов. Л., 1978. С. 10.

Баратынского «Глупцы не чужды вдохновенья», Владимир Вейдле (1895—1979) пользовался некоторым влиянием как изящный, хоть и поверхностный эссеист, и его подход к России как к гениальной неудачнице неизменно производит впечатление на молодых читателей, которые не знакомы с вдохновляющими его идеями по первоисточникам (свои заимствования он признавал не всегда <...>⁶.

Эта цитата, впрочем, пришла мне на память не сразу, а лишь после того как я понял, что я несколько раздражен словами «поэт» и «ученый» и аттестацией Вейдле как «одного из самых ярких представителей первой волны русской эмиграции» (ярче Сирина? ярче Бунина? ярче Британа? но ярче Британа вообще-то быть нетрудно). Не могу не упомянуть также и два источника, знакомство с которым видится мне обязательным для любого, кто занимается историей литературы русского зарубежья: «Русская литература в изгнании» (1956, 1984, 1996) Г. П. Струве и “How it was Done in Paris: Russian Émigré Literature and French Modernism” (2003) Леонида Ливака.

Следуя же канону оппонирования, отмечу и то, чем работа показалась мне симпатичной: совмещением беспристрастного (и качественного) стиховедческого описания с элементами историко-литературного анализа. И сама идея такого совмещения уже достаточна для того, чтобы сочинение Алины Гарифжановой получило бы положительную оценку.

Григорий Утзоф, PhD

*Tallinna Ülikooli Humanitaarteaduste Instituudi vene kirjanduse ja kirjandusteooria
lektor*

⁶ *Ронен О.* Серебряный век как умысел и вымысел. М., 2000. С. 47–48; ср. и в исходной редакции этой книги: “A subtle though superficial essayist and a minor poet V. Veidle (1895—1979) was quite influential as a critic, and his study of Russia as a brilliant failure cannot fail to impress those readers who are not familiar with the sources of his inspiration (he seldom acknowledged borrowed ideas)” (*Ronen, O.* The Fallacy of the Silver Age in Twentieth-Century Russian Literature. Amsterdam, 1997. P. 20).